

Василий Криптонов

Летающие к солнцу II

База Судного Дня

Василий Кристонов

**Летящие к Солнцу. Книга
2. База Судного Дня**

«Издательские решения»

Криптонов В.

Летающие к Солнцу. Книга 2. База Судного Дня / В. Криптонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937925-2

Николас, Джеронимо и Вероника продолжают двигаться к цели. Они хотят вернуть миру солнце, но для начала нужно собрать три пробирки с антиматерией, разбросанные по миру. Первая спрятана на базе Судного Дня. Но на базе вышла из-под контроля охранная система, снаружи ломаются войска Ядерного Фантома под предводительством радиоактивного маньяка Рикардо, а хранитель базы положил глаз на Веронику. Всё это до слез расстраивает Николаса, который только обрел человеческие чувства и успел об этом пожалеть.

ISBN 978-5-44-937925-2

© Криптонов В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Летящие к Солнцу

Книга 2. База Судного Дня

Василий Кристонов

© Василий Кристонов, 2018

ISBN 978-5-4493-7925-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-7926-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Двадцать танков неслись, растянувшись в цепь, по серому снегу. Над ними нависли черные небеса. Лучи прожекторов разрезали плоть вечной ночи. Лязг траков заглушал звук моего дыхания.

На одном из танков откинулась крышка люка.

– Сеньор Риверос! – В зеленоватом свечении над башней показался Рикардо.

Он напоминал мертвеца. Щеки впали, глаза ввалились, кожа одрябла. Его пожирала радиация.

– Наконец-то мы снова с вами встретимся, сеньор Риверос! – пропел Рикардо, покачиваясь в люке. – Жаль, что времени так мало. Не сыграть нам ни в шашки, ни в шахматы, ни в «Эрудит».

Он вцепился в края люка и заорал:

– Только смерть!!!

Зеленоватое свечение сделалось ярче, Рикардо запылал, будто ядерное солнце. Огонь перекинулся на корпус, и танк, взревев, помчался быстрее. Остальные поддали газу, перестроились клином, острием которого стал танк Рикардо.

Лысый тюремщик вытянул ко мне руку и оскалил фосфоресцирующие зеленым зубы.

– Считайте минутки, считайте секунды, сеньор Риверос! Наша встреча близка.

Когда зеленая светящаяся рука вцепилась мне в сердце, я закричал и открыл глаза.

Где я? Последнее, что помню, – палатка, Вероника меняет мне компресс. Сейчас я в тесном, узком помещении, лежу на жестком полу. Под головой что-то мягкое, воняющее потом и кровью. Меня едва не вырвало.

– Что, опять кошмар? – Голос Вероники прозвучал сонно, с ноткой раздражения, но вся моя душа потянулась к нему.

– Ве-ра, – простонал я, не в силах вымолвить слово целиком.

Вверху я увидел закрытую крышку люка. Похоже, мы в танке. Нас схватили? Нет, Вероника выбиралась, морщась, с водительского сиденья, за которым я лежал. Вряд ли бы ее пустили порулить, после того как она фактически выстрелила в лицо дону Альтомирано.

Вероника присела рядом со мной на колени, пыхтя папиросой, потрогала лоб.

– Слава те, госсподи, – буркнула она невнятно. Закашлялась, выдернула папиросу из рта, чихнула и, прищурив один глаз, посмотрела на меня: – Ну? Пить? Писать? Сказку на ночь? Рожай быстрее, я спать хочу!

Я прочистил горло, помел по сусекам внутреннего мира и, собрав щепотку не то цинизма, не то сарказма, сказал:

– Чисто академический интерес: а я уже просился писать? И что ты, в связи с этим, делала?

Вероника затянулась и выдохнула мне в лицо смердящую тучу. Я закашлялся.

– Наконец-то, старый добрый засранец Николас вернулся. Не волнуйся, твоего малютку никто не трогал. Ты за эти трое суток столько рыдал, что до пузыря не добежало.

– Трое суток? – испугался я и тут же устыдился: – Рыдал?!

Испугался? Устыдился? Боже, что со мной?! Впервые за двадцать один год я испытывал что-то сложнее желания помочиться. А оно, кстати, становилось сильнее.

Я заворочался. Вероника протянула мне руку. Подъем дался тяжело: измученное горячей, изнеженное бездействием тело отзывалось на каждое движение болью. Голова закружилась, в глазах потемнело. Я резко выпрямился и долбанул головой в крышу – танк оказался ниже, чем мне казалось, когда я лежал. Зато от удара парочка мыслей сцепились друг с дружкой. Я вытаращил глаза на Веронику:

– Надо бежать! Лететь! Валить! Рикардо близко!

Вероника зевнула и высвободила руку.

– Ты постоянно что-то бредил про Рикардо, и что нас всех убьют. Да, папа психанул, это бесспорно, но с какого бока Рикардо? Этот мудака плешистый даже близко не солдат. Что он тебе успел сделать, за что ты его так боишься?

– Не надо грязи! – возмутился я, потирая уши. – Рикардо был добр и заботлив, это ты меня избила и вывихнула руку. Но теперь он едет сюда, чтобы нас убить!

Вероника покачала головой, затаилась. Вентиляционная система работала прекрасно, вони от дыма почти не ощущалось.

– Значит, ты у нас заделался ясновидцем. О'кей, принято. Законом больше, законом меньше – роли не играет. Я – спать.

Она бросила на пол окурки, раздавила его и шлепнулась в водительское кресло.

– Вероника? – Я потряс ее за плечо. – Кассандре тоже никто не верил, и что получилось!

Вероника притворилась спящей.

– Где Джеронимо? – Я наклонился к ее уху. – Нам срочно нужно уезжать отсюда, где бы мы ни находились!

Кстати, да. Где мы? Я включил экранчик на приборной панели. Ага, ясно, мы – посреди бескрайней снежной равнины. А я уж испугался было – ну как увижу взойшедшее солнце и песчаный пляж с кабинками биотуалетов.

Подвигав колесико регулятора, я увидел дуло нашего танка, а под ним...

– Почему под дулом болтается привязанный труп?!

– Я разрешила Джеронимо его оставить, если он сам будет о нем заботиться, – пробормотала Вероника.

Кажется, она действительно уснула. Глядя на нее, я вспомнил, как по-идиотски признался в любви, и кровь со всего тела прилила к лицу. Захотелось бежать и плакать, а она чтоб догоняла и жалела. Вот они какие, чувства...

Кстати, интересно, мы с ней – пара или нет? Вроде бы она меня не послала, она обо мне заботилась. Пожалуй, пара. А что должны делать пары?

Целоваться я не умел, поэтому всего лишь прижался губами к ее губам и замер.

Веки Вероники дрогнули и поднялись. В той бездне удивления, что я увидел в ее глазах, можно было утопить славный город Илион с деревянным конем и двадцатью танками в придачу.

«Зато ты проснулась», – хотел сказать я.

Не сумел. Голос не слушался. Сердце заколотилось, будто от инъекции кофеина, желудок свело. А потом мир превратился в вихрь ударов, царство боли, грохот крови в висках и русско-испанскую вереницу матерной ругани.

Очнулся я на полу. Я говорил, что мне было больно до этого? Я солгал. Больно было сейчас.

– Ты!!! – Вероника, пунцовая от ярости, наклонилась надо мной и до хруста сжала кулаки. – Жалкая куча унылого дерьма, да кто дал тебе право хотя бы думать о том, чтобы...

С резким хлопком танк разгерметизировался. Крышка люка над правым плечом Вероники открылась.

Тепло и воздух высосало наружу. Салон наполнился ледяной стужей, легкие – смрадом, описать который не сумел бы и Зюскинд.

Вероника, кашляя, упала на колени, зашарила по полу руками в поисках маски.

Раздалось шипение, и люк загерметизировался. Справившись с приступом кашля, я обнаружил, что могу дышать, и с каждой секундой становится теплее.

Под люком, чуть пригнув голову, стоял Джеронимо в комбинезоне и вертел на указательном пальце маску. Глаза его, как обычно, горели неугасимой жадой действия. Увидев меня, он выронил маску.

– Ник! – Джеронимо растопырил руки и бросился меня обнимать. – Ты вернулся! Как же я по тебе скучал! Она тебя уже избила? Ах, эта жестокая карга, но ничего, мы ей отомстим, да-да, клянусь, жестоко отплатим!

– Гаденыш, – прохрипела, поднимаясь, Вероника. – Мог хотя бы постучать, прежде чем...

– Я стучал! – обернулся к ней Джеронимо. – Но ты так орала, как будто Николас сделал тебе ребенка, пока ты спала. А я и так задержался, чтобы дать вам время на брачные игрища. Слишком задержался. Кто за руль? Может, я?

– Никто! – огрызнулась Вероника, бросив на меня злобный взгляд. – Я три дня гнала эту хреновину почти без передышки, а теперь хочу спать. Спать! Хватит уже параноить, вы, оба! Отец не идиот. Он уже потратил черт-те сколько сил и не будет...

– Два десятка танков приближаются с юго-запада, и они точно знают, куда ехать, – перебил Джеронимо. Он подбежал к панели управления и активировал радар. Я встал, чтобы увидеть скопление светящихся точек на юго-западе.

– Твою мать! – Вероника сплюнула под ноги. – Наверное, я чего-то не знаю.

Ни сонливости, ни раздражения. Я глазом не успел моргнуть, а Вероника уже облачилась в белый комбинезон. Я отыскал свой – оказывается, это на нем я спал. Запашок, конечно, тот еще.

– За руль сядешь? – Вероника избегала смотреть мне в глаза, но обращалась ко мне.

– Дай минутку, – кивнул я.

Глава 2

Минутку я использовал, чтобы выбраться наружу и справить малую нужду с юго-западного края танка. Силы противника виднелись на горизонте. Ехали клином. Над передним танком чудилось зеленое свечение.

– Что же вам от нас нужно? – шептал я, окруженный клубами пара. – Почему нельзя просто забить на троих безумцев, летящих навстречу смерти? Мы и сами прекрасно сдохнем, без вас.

Так я говорил, но думал о другом. О том, что поцеловал девушку, а в ответ получил по... Да по всему! Следовательно, мы не пара. Что же мне теперь делать?

От печальных мыслей отвлекло воспоминание о зеленой руке. Сердце болезненно сжалось, и я поспешил вернуться в танк. Водительское место пустовало. Вероника заняла место стрелка, Джеронимо – рядом с ней. Вот уж не знаю, какие функции выполнял третий член экипажа. В ведении Джеронимо оказалась рация, это как минимум.

Я положил руки на руль и зажмурился. Давай, сила Риверосов! В памяти все еще ярко горел финал гонки, когда я буквально слился в одно целое с машиной...

«Это со мной, что ли, ты собрался в одно целое сливаться?»

Я открыл глаза и замотал головой в поисках обладателя голоса. Хриплого, мужского, незнакомого, сочащегося презрением.

– Николас? – Это Джеронимо. Они с Вероникой смотрели на меня в ожидании.

«Меня слышишь только ты, – усмехнулся голос. – Риверос недоделанный».

Я вытаращился на приборную панель.

«Бинго! Это мной ты собрался управлять? Seriously? Давай посмотрим, как у тебя это получится, соплежуй!»

– Два километра, девятьсот метров, процедила Вероника сквозь зубы. – Прицельный огонь смогут открыть с тысячи метров, скорость приближения – шестьдесят километров в час. Две минуты, и нам хана. Может, уже поставишь ногу на педальку справа?

«Слушайся женщину, – измывался танк. – Такие, как ты, только и могут, что плясать под бабскую дудку».

– Ты – хам и сексист! – Я стукнул по рулю. – Поехали!

Танк засмеялся и умолк. Я чувствовал его всеми своими новопробужденными риверосскими силами. Ладони потели на руле, глаза без толку таращились на спидометр, стрелка которого валялась за отметкой «0». Я был начинающим дрессировщиком пони, но пытался оседлать дикого мустанга. Как будто я знаю, что такое «мустанг»...

– Два километра, четыреста метров! – Голос Вероники звенел от напряжения. Рука застыла на ремне, готовая отстегнуть его, вышвырнуть меня из-за руля.

Еще раз зажмурившись, я попытался подчинить танк своей воле, но в ответ ощутил нечто, напоминающее удар по морде. Даже голова дернулась.

– Надо было все-таки мне сесть за руль, – зевнул Джеронимо. Он в перчатках листал лежащую на коленях книжку. Ту самую, что вручил нам черноволосый старец в Красноярском Метро.

У каждого есть свое призвание. Джеронимо до самой смерти будет стараться понять, почему наш мир покинуло солнце. Вероника до конца будет сражаться с каждым, кто посмеет угрожать ее брату. А я... Что буду делать я?

Пальцы вцепились в ключ зажигания, мотор нехотя кашлянул и запустился. Сцепление, передача, газ – уж этих-то умений у меня не отобрать!

Взрыхлив снежный наст гусеницами, махина тяжело подалась вперед. Я включил третью передачу, танк натужно загудел, но справился и понесся быстрее.

Я мельком взглянул на руку Вероники. Пальцы ее расслабились, и я позволил себе вздох облегчения. Она мне доверилась!

– Лево руля! – крикнул Джеронимо.

Я бросил взгляд на экран и чудом успел избежать столкновения со снежной кочкой внушительных размеров. Понесло боком. Вероника выругалась, из рук Джеронимо вылетела книжка.

– Святой Христос, Николас! – воскликнул он. – Сосредоточься на дороге! Вероника не будет показывать стриптиз прямо сейчас! Курс на северо-восток.

– Северо-? – переспросил я, крутя рулем. – Мы уже не к солнцу?

– К солнцу, только по пути надо кое-чего уцепить. Я расшифровал карту, что была в этом фолианте. – Джеронимо, крутя головой, следил за летающей по салону книгой. – Если все правильно понял, то мы уже близко. Доехали бы раньше, но кое-кому приспичило поспать!

Он уничижительно посмотрел на сестру. Вероника не обращала на него внимания. Она следила за радаром, кусая губы.

– Доехали куда? – недоумевал я. – Что мы ищ...

Я осекся. Джеронимо, оттолкнув сестру, вперился взглядом в монитор.

– Знамение, – торжественно прошептал он. – Топи, Ник!

Теперь и Вероника отвлеклась от радара, сосредоточившись на размеренно мигающем красном пятне в нескольких километрах от нас.

– Частота меняется! – Джеронимо попытался вскочить, но его удержал ремень. – Оно чувствует нас!

Я повел рулем. Теперь мы неслись напрямик на мерцающее алым пятно. Джеронимо был прав: оно мерцало все чаще. Я вдавил педаль в пол. Шестьдесят пять километров в час. Танк начал рыскать, но я пока справлялся.

«Пока», – проворчал танк.

Сама собой включилась рация, из динамиков зазмеился вкрадчивый голос:

– Куда же вы так спешите, сеньор Риверос? Неужели ни капельки не соскучились? Ну как можно быть настолько черствым человеком? Подумали бы о моих чувствах. Каково мне было обнаружить пустую камеру? Заглядывать под шконку, выкрикивать ваше имя в дыру в полу? Рыдать, сжимая в руках веревку, на которой вы не извоили повеситься!

Меня затрясло. Я не мог выключить рацию – блок управления находился напротив Джеронимо.

– Рикардо! – воскликнула Вероника. – Но почему он?!

Джеронимо выключил рацию, вняв моей немой мольбе, и посмотрел на сестру.

– Ты вообще хоть что-нибудь знаешь о своем доме, или только драться и стрелять учи-лась? Рикардо – маньяк-убийца. Еще когда ты в пеленках душила кукол, в доме начали погибать люди. Их находили то тут, то там, расчлененными на куски. Ни на одной камере ничего не обнаружили. За год погибло больше двадцати человек.

Мои зубы выбивали дробь, руль выскакивал из трясущихся рук.

«Ну как, справляешься?» – поинтересовался танк.

Движок «чихнул».

Я начал глубоко дышать. Спокойно. Это все просто слова. Главное сейчас – тот красный свет, мерцающий, как стробоскоп.

– Когда его нашли, то чуть не линчевали. Но папаня вмешался. Он закрылся с Рикардо в кабинете и долго о чем-то говорил. Никто не знает, о чем, однако Рикардо вышел оттуда первым доверенным лицом и без приказа никого больше не убил. Фантом умеет подбирать талантливые кадры.

Движок заглох, но я успел запустить его раньше, чем скорость упала. Мир сузился до красной полянки впереди, двигателя, то и дело «чихающего», и голоса Джеронимо:

– Рикардо – дьявол во плоти. Если ему сказали убить – он убьет. Вот почему за нами едет он. Он не усомнится и не отступит.

Опять ожила рация:

– Сеньор Риверос! – укоризненно сказал Рикардо. – Неужели вам хочется погибнуть под обломками танка? Послушайтесь голоса разума, остановитесь! Давайте поговорим. Я испепелю вас радиацией, или мелко нашинкую своим любимым ножичком – как вам больше нравится? Мы можем попытаться совместить...

Джеронимо вдарил кулаком по кнопке отключения.

– Папа мне такого не рассказывал, – тихо сказала Вероника. Джеронимо усмехнулся:

– Ну да, он старался казаться зеленым и пушистым. Видимо, откровения предполагались после твоего облучения. Не желаешь вернуться и познать все тайны дома Альтомирано?

До красного пятна оставалось метров пятьсот, когда движок замолчал совершенно. Я дергал ключ в зажигании, но даже стартер молчал. Молчал и танк. Он прокатился десяток метров и встал мертвой глыбой.

– Ну же, ну, пожалуйста, – шептал я, теребя ключ.

– Девятьсот метров, – выдохнула Вероника.

– Не добежим, – покачал головой Джеронимо. – Жаль. Ладно, попробуем в другой реинкарнации...

Они не осуждали меня. Приняли как должное свою судьбу. Но ведь это – не их судьба, а мое проклятое бессилие! Все было еще хуже, чем в самом начале. Раньше я мог управлять техникой, как обычный человек, но не мог ее чувствовать. А теперь я чувствовал, но техника меня презирала.

Что-то внутри меня надломилось. Расплылись огоньки панели управления, и я, уронив голову на сложенные на руле руки, разрыдался под фантомный хохот танка.

Глава 3

– Опять! – воскликнула Вероника.

Я очень хотел услышать в ее голосе заботу, сочувствие – что-нибудь такое. Но слышал лишь раздражение, да щелчки затворов – Вероника проверяла оружие. Автомат, пистолет, пистолет, пистолет... Господи, сколько же у нее всяких пушек! И ни грамма тепла для меня!

– Николас! – Рядом со мной оказался Джеронимо. Его рука легла мне на плечо. – Что с тобой? Давай, мне ты можешь рассказать всё!

– Мы умрем! – простонал я и добавил, опасаясь быть непонятым: – Из-за меня!

Я сквозь слезы смотрел на заботливое лицо Джеронимо. Он пожал плечами:

– Ну и что? Что мы, в первый раз из-за тебя умираем? Раньше тебя это не беспокоило.

Многое я хотел ему рассказать. И о том видении, в котором Вероника пристрелила моего эмоционального двойника. И о том, что я впервые за всю жизнь начал испытывать чувства. И о том, что Рикардо – радиоактивен. И о том, как мне горько, грустно, больно, страшно, одиноко и печально. Я даже приоткрыл рот, чтобы сказать хоть что-то, но не справился со словами и просто завыл.

– Плохо, – резюмировал Джеронимо, напяливая рюкзак с упакованной в него лампой-шарманкой. – Все куда хуже, чем я мог предположить. Боюсь, вы с Николасом были чрезмерно близки в последние дни. Опасно близки.

– Чего?! – воскликнула Вероника.

Я перестал рыдать и уставился на Джеронимо, который, кивая с задумчивым лицом, закончил мысль:

– Вероника, мужайся. Твои месячные начались преждевременно... у него. Редчайшее медицинское явление, трансменструоз. За всю историю медицины было выявлено лишь ай, дура, за что?!

Позабыв о грозящей опасности, Вероника бросилась на брата и принялась угощать его сестринскими подзатыльниками. Джеронимо пытался убежать, но в тесном пространстве башни танка это не представлялось возможным.

Я отвернулся. Не слушая яростную перепалку за спиной, смотрел на руль и думал. Чем дольше думал, тем сильнее сжимались кулаки. Пять секунд спустя я обратился к танку:

– Даю тебе последний шанс. Поехали.

«Выкуси», – с зевком откликнулся танк.

– Твой выбор.

Я повернул голову к Веронике, которая зажала подмышкой голову брата и кулаком стучала ему по макушке.

– Джеронимо! – крикнул я. – Беги!

Он дернулся, посмотрел на меня с недоумением:

– Обычно, когда так говорят, добавляют: «я ее держу», и при этом правда держат! Николас, ты – злой и саркастичный.

– Открой люк и беги туда, – мотнул я головой в сторону красного пятна. – Вероника – будешь стрелять, тебя танк послушается.

Я говорил спокойным, уверенным тоном и пожинал плоды. Вероника выпустила голову брата. Джеронимо выпрямился и, кивнув, шагнул к люку.

– Он же не успеет добежать! – Вероника схватила брата за плечо. – Что ты задумал, Николас?

– Он что-то задумал, а ты – нет, – сказал Джеронимо. – Я за Николаса. Отпусти, ведьма!

– Конечно, – потухшим голосом сказала Вероника. – Ты всегда за Николаса. Это ведь он тебе, мелкому, задницу подтирал и с ложечки тебя кормил.

– Нет, – фыркнул Джеронимо, вертя задвижку люка. – Это было бы совсем по-голубому. Я люблю тебя, как сестру, Вероника, но двадцать танков ты не уничтожишь. А Николас что-то похожее однажды провернул. В него я верю. До встречи!

В этот раз, благодаря комбинезонам, мы не почувствовали изменений в атмосфере, когда открылся люк. Только две лампочки на панели замигали – одна сообщала, что воздух не пригоден для дыхания, а другая – что температура не пригодна для жизни.

Проводив взглядом ноги брата, исчезнувшие в черном отверстии в крыше танка, Вероника повернулась ко мне.

– Если мы не сможем маневрировать, они нас в лоскуты порвут. Что у тебя за план?

– Мы теряем драгоценное время. – Я отвернулся и посмотрел на экран, где как раз показалась бегущая фигура с рюкзаком за спиной.

Знала бы она, как у меня потеют руки. Знала бы она, что я сделал ради этого спокойного и даже властного тона...

«Как вы там?» – спросил я у своих чувств, сидящих в комнате эмоционального двойника. Бедные, они жались друг к дружке, дрожали и смотрели на меня – с любовью, ненавистью, страхом, обидой...

«Плохо!» – пищали они.

Знаю, что плохо. Самому – хуже не придумаешь. Но пока ничего другого я не могу придумать. Когда у меня не было чувств, у меня были друзья и даже подобие романтических отношений. А теперь? Моя возлюбленная презирает меня, мой танк (ну ладно, пусть не мой) смеется надо мной, мой друг считает, что у меня трансменструоз... Хватит! Есть простейший закон жизни: если ты что-то изменил и стало хуже – откати изменения. А если не можешь – притворись.

– Надеюсь, ты соображаешь, что творишь. – Вероника села на стрелковое место и завертела ручку, поворачивающую башню. – Потому что иначе я тебя на том свете грохну.

И уж чего-чего, а презрения в ее голосе не было и в помине.

Башня крутилась вместе с нами. Я поборол приступ тошноты. Нервы сжались в комок и дрожали, готовые взорваться.

– Стреляй по зеленому, – сипло сказал я.

– Принято, – буркнула Вероника.

Она прильнула к окуляру прицела, скорректировала дуло и нажала клавишу «Огонь». Громыкнуло. Танк дернулся. Секунду спустя долетел отголосок удара о броню.

– Какая же я умничка, – проворковала Вероника. – Еще стрелять?

– Если угодно, – пожал я плечами.

Она выстрелила еще раз, и сразу после я расслышал сдвоенный хлопок. Мои руки вцепились в руль, я стиснул зубы, зажмурился.

– Пи-и-из... – Договорить Вероника не успела – снаряд достиг цели.

Будто по голове врезал молотом Тор. Танк подпрыгнул, затрясся и завопил. Я слышал его беззвучный крик, исполненный боли и ужаса.

«Ну что, будешь еще выпендриваться, кусок железа?» – спросил я мысленно.

«Двигатель! – Танк визжал, как девчонка. – Они повредили двигатель!»

Еще хлопки. Вероника пыталась совладать с системой наведения и выстрелить в ответ.

«Поставь подпись кровью, отдай мне свою душу и спасешь тело», – сказал я.

Вряд ли танк понял метафору. В конце концов, он был танком. Никто не читал ему книг, не показывал фильмов. Вообще, фигово, наверное, быть танком – обладать огромной силой, но не уметь ею пользоваться. Единственный раз проявить характер и получить снаряд в сердце. Нет, он не понял слов, но смысл до него дошел. Иначе откуда я знаю, каково это – быть танком?

Сила Риверосов заструилась по невидимым энергетическим контурам, разлилась по броне. Я будто крутнул головой, и башня повернулась. Не глядя на экран, я видел красное свечение и довольно далеко – белую фигурку, неуклюже бегущую к нему. Понеслось!

Взвизгнула Вероника, когда ремень сам собой застегнулся, притянув ее к креслу. Взрыли снег гусеницы, танк сорвался с места. Вражеские снаряды ушли в землю и разорвались. Волной нас швырнуло в нужном направлении.

Я отпустил руль, зажмурился. Ревел и громыхал искалеченный движок, танк набирал скорость. Две секунды – и мы летим семьдесят километров в час. Добавим-ка реактивной тяги!

Башня повернулась. Я нашел взглядом светящийся зеленым танк и выстрелил. О, это упоительное чувство, когда из твоего могучего ствола вылетает смертоносный снаряд! Ни одному человеку не дано испытать подобного.

Взгляд на рацию. Внешний динамик загрохотал моим голосом:

– Джеронимо Альтомирано, постарайтесь подпрыгнуть как можно выше!

Я видел на триста шестьдесят градусов. Джеронимо обернулся на бегу и, на секунду замедлив, прыгнул. Я добавил оборотов, и Джеронимо шлепнулся задницей на броню.

– Держись! – велел я.

Преследователи стреляли, но их снаряды не достигали цели. Я сосредоточился на зеленом танке, от которого поднимался дымок. Ба-бах, радиоактивный маньяк-убийца. Снаряд ушел, и я почувствовал странную пустоту.

– Ноль на счетчике! – сообщила Вероника.

Знаю, любимая. Зацени мой покерфейс. Правда, похоже, будто я знаю, что делаю?

Снаряд пробил башню зеленого, во всяком случае, так мне показалось. Он завертелся на месте, потеряв управление.

– Тормози-и-и! – завопил снаружи Джеронимо

Педали сцепления и тормоза ушли в пол. Я бросил последний взгляд на зеленый танк, который как раз упорно выравнивал курс. Эх, еще бы снарядик...

Но вдруг все скрыла алая пелена. Неужели смерть? Надо же, совсем не страшно.

«Да нет же, дебил! – вздохнул танк. – Приехали. Выблевайся из меня».

Вероника выскочила, снаружи уже слышались ее причитания над братом, который едва не погиб под гусеницами. Слышался и недовольный голос Джеронимо, который хотел куда-то идти и что-то делать.

Я разорвал связь с танком, посмотрел на экран. Мы находились в красном мареве. Как будто сам воздух был красноватым и при этом светился. А что самое странное – было тихо. Не рвались вокруг снаряды, не врывались следом за нами грохочущие танки. Мы будто попали в другой мир. А может, так оно и было?

«Ты слышал? Убирайся, – тихо и грустно сказал танк. – Не хочу, чтобы ты был здесь...»

– Ты умираешь? – У меня задрожал голос.

«Нет, Риверос. Я всего лишь выхожу из строя. А умираешь – ты. Глупец! Нельзя вечность играть роль, не научившись быть... Быть...»

Погасла приборная панель, мигнул пару раз и стал черным экран. Я остался один, в темноте, лишь снаружи проникал слабый красный свет.

– Вы активировали систему защиты входа на базу Судного Дня, – сообщил невесть откуда доносящийся приятный женский голос. – Пожалуйста, введите нужную комбинацию аур. У вас ровно пять минут, по истечении которых защита будет отключена.

– Николас! – тут же рявкнул мне в ухо голос Джеронимо из динамика в маске. – Бегом сюда, нам нужна твоя правая рука!

Я вытянул правую руку перед собой. Усилие воли – и прекратилась дрожь.

– Идем, подруга дней моих суровых. Кому-то ты еще нужна, кроме меня.

Смеяться не хотелось, но я заставил себя улыбнуться. И «выблевался» из танка.

Глава 4

Видимость в красном воздухе нисколько не страдала. Не знаю, на каком таком фантастическом принципе базировались изобретенные Джеронимо приборы ночного видения, но через маску шлема я видел слегка красноватую картинку. Из любопытства переключился на обычное зрение и чуть не заорал от испуга: показалось, будто я на дне кровавого моря. Фигуры Джеронимо и Вероники вдалеке выглядели по-вампиРСки зловещими, да и болтающийся под дулом труп добавлял антуража.

Так, спокойно, не орать. Я – крутой Николас Риверос, неподвластный чувствам и эмоциям. Стою на танке в героической позе и...

– А ну, отойди! – психанула Вероника.

Тишину разорвала автоматная очередь. Я шарахнулся, нога скользнула, равновесие исчезло в неизвестном направлении. Я полетел вперед и вниз. Дуло танка оказалось между ног, между рук, и лбом я долбанулся об него же. Вернее, об маску, которая долбанулась о дуло.

Я открыл глаза. На меня с меланхолической улыбкой мертвеца посмотрел труп. Я икнул и, вторично утратив равновесие, шлепнулся спиной на твердый снег.

Как будто все органы разом взбились в коктейль. Вдохнуть получилось далеко не сразу, а первый выдох я посвятил жалобному стону.

– Николас! – всполошился Джеронимо. Он подбежал и склонился надо мной. – Что с тобой? Тебе грустно? Страшно? Хочешь, поговорим об этом? Давай молча посидим и посмотрим «Дневники Бриджит Джонс» у меня на смарте?

– Я упал!

– Упал духом, да, – закивал Джеронимо. – Не расстраивайся. Я здесь, чтобы подбодрить тебя. Теперь, когда мы в безопасности, я...

Его перебил женский голос, звучавший словно бы отовсюду:

– До отключения защиты осталось четыре минуты.

Я как раз поднимался, держась за ладонь Джеронимо. Услышав прогноз, он вырвал руку.

– Сам разгребывайся со своими проблемами, неудачник, у меня дела поважнее!

Он убежал. Я, кряхтя и морщась, вставал. Навернулись слезы, ничего общего не имеющие с болью. Меня задела его слова. Но почему?! Ведь он всегда таким был: все силы на главную цель, а остальным – что останется. Я его любил именно таким. А сейчас мне хочется убежать и умереть, и чтобы он плакал. И Вероника.

Но они не будут плакать. Вон как увлеченно копают в том месте, куда стреляла Вероника. Часок поудивляются и забудут, а помирать-то мне!

Помирать не хотелось. И я, корча надменно-безразличное лицо, двинулся к ним. Попытался вытереть слезы, но только стукнул рукой по прозрачному пластику. Внезапно разозлившись, принялся колотить по маске, наказывая не то руку, за то, что не может пройти сквозь пластик, не то пластик, за то, что не пропускает руку.

– Слушай, он меня пугает, – тихо сказал Джеронимо, якобы позабыв про общую связь.

– Да я вообще его боюсь так, что пристрелить охота, – отозвалась Вероника, кромсая лед ножом. – Патронов жалко.

– Ну так зарежь, – с горечью отозвался я, прекратив самобичевание. – Сопротивляться не буду, обещаю.

Вероника отложила нож и уставилась на меня:

– Слушай, что с тобой за хрень? Есть какая-то проблема – давай обсудим. Если у тебя просто плохое настроение, то сделай милость, засунь его обратно в задницу.

Она ждала ответа. И, хотя я бы предпочел провалиться сквозь землю, пришлось отвечать. Голос звучал на удивление ровно:

– Все нормально. Просто я три дня валялся при смерти, после того как и перед тем как спасти наши жизни от вашего поехавшего папаша. И что? Я хоть слово доброе услышал? Нет! Меня то бьют, то обзывают, то...

– Ах ты... – Вероника вскочила на ноги. – Слово доброе?! Я, твою мать, отрекаюсь от своего рода, я убивала своих же бывших соратников. Я три дня вела гребаный танк под шуточки этого умника о женщинах за рулем! Я просто хотела поспать, а вместо этого меня целует хмырь, у которого изо рта смердит гниющей три дня слюной. Где мои добрые слова, а?

– О, поцелуй? – воскликнул Джеронимо, продолжая ковырять лед. – Поздравляю, Николас! Уже слышу, как внутри тебя начинают шевелиться мои будущие племяшки.

– До снятия защиты осталось две минуты, – внесла свою лепту невидимая женщина.

Это нас всех отрезвило. Бросив на меня яростный взгляд, Вероника вернулась к раскопкам. Я присел рядом. Они освобождали от снега, льда и расплюснутых пуль металлический диск с тремя вдавленными отпечатками ладоней. Я принялся расковыривать ближайший.

Вероника злилась. Ей хорошо, она может просто взять и разозлиться. А я, если начну, тут же спохватываюсь: вдруг она обидится, а я ж ее люблю? Вот так, ни тебе позлиться, ни тебе полюбить. Надо хоть зубы почистить, что ли. Сплошная морока с чувствами этими.

Злость помогла Веронике закончить работу быстрее всех. Посередине ее отпечатка оказалась русская буква «Д».

– И что, согласно пророчеству, это обозначает? – спросила Вероника. – «Джеронимо»?

В ответном взгляде Джеронимо ощущалась неприкрытая жалость. В несколько движений он освободил свой отпечаток. Там обнаружилась буква «Л». Я закончил последним, освободив литеру «Т».

– Ой, всё! – Вероника вскочила, лицо ее мимикрировало под цвет окружающей среды. Она перехватила автомат, доселе висевший за спиной, и направилась к границе красной зоны.

– До отключения защиты осталась одна минута, – напутствовал ее женский голос.

Джеронимо вытянул руки вслед Веронике:

– Сестричка, неужели ты бросишь меня здесь, совсем одного, с этим неадекватным психопатом? Два неадекватных психопата – это перебор. Ты нужна нам, чтобы вносить толику здравомыслия! Ну или хотя бы убей нас. Ты же помнишь пакт? Лучше ты, чем они!

Вероника остановилась, что-то прорычала. Выпустила в никуда пару очередей и... вернулась.

– Ладно, что там делать нужно?

– Возложить руки, – улынулся Джеронимо. – Все вместе, одновременно, на счет «три». Три-четыре – давай!!!

Он шлепнул ладонь на отпечаток. Следом за ним, матерясь, как пьяный сапожник, – Вероника. Я оказался последним.

– Тормоз, Газ и Сцепление, вот как должно было звучать пророчество, – проворчала Вероника.

«Тормоза» я мужественно проглотил, хотя внутри меня как будто что-то умерло. В пику этому опустошающему душу чувству я хотел было сказать что-то резкое и саркастичное, но не успел придумать.

– Троль, Лжец и Девственница, – произнес женский голос. – Добро пожаловать на базу Судного Дня.

Чуть помолчав, она добавила:

– Защита снимается.

Металлический диск ушел в землю, под ним обнаружился темный провал. В две стороны от него проползла ровная трещина. Она ширилась, а пол под ногами кренился. К тому же, красное сияние померкло, и я увидел окружившие нас танки. Над одним из них, зеленым и дымящимся, возвышался Рикардо. Точь-в-точь такой, как во сне.

– «Торпеда»? – ахнула Вероника.

– Ку-ку, сеньор Риверос! – проревел не своим голосом Рикардо. – Туки-туки, дети!

Как он дышал без маски? Почему его не убивал холод? Что, черт побери, значит «торпеда»?

Времени разбираться не было. Во-первых, Рикардо вытянул руку в нашу сторону и прорычал: «Огонь!» А во-вторых, пол всерьез вознамерился стать вертикальным.

Круг, в центре которого мы стояли, разделился на две половинки, и обе они, будто створки гигантских ворот, открывались вниз. А на одной из створок стоял наш...

– Танк!!! – заорал я и бросился к нему, надеясь, что меня поймут.

Не такой уж я и тормоз. Ясно, к чему все идет: нам придется падать, а на нас будет падать танк. Кроме того, неизвестно, какая там высота, и что внизу, так что лучше падать в танке, или хотя бы на нем.

Мы с Вероникой оказались по одну сторону разлома, Джеронимо – по другую. Он перепрыгнул и, схватив сестру за руку, бросился бежать. Я отставал. Все-таки три дня горячки, на одной воде, ослабили меня.

Грохнули выстрелы. Внутри у меня все сжалось в ожидании взрывов. Взрывы послышались, но какие-то отдаленные. Снаряды рвались там, внизу, в неизвестности, лишь один угадал по плите. Пошла вибрация. Я припал на одно колено, но встал и побежал дальше. Навстречу мне, будто обрадовавшись встрече после долгой разлуки, покати́лся танк. С дула соскользнул труп и сбил с ног Веронику. Они в обнимку покатались вниз. Джеронимо одним прыжком взлетел на танк и обернулся, держась рукой за дуло.

Я схватил за руку катящуюся мимо Веронику. Труп канул во тьму, а я понял, что бежать дальше нет смысла. Танк – вот он, а пол – уже не пол. Мы чудом удерживались на практически вертикальной поверхности.

– Держись! – крикнула Вероника.

Я обхватил ее. Показалось, будто ее тело сделано из стали. Она зарычала.

Вероника оттолкнулась ногами, мы прыгнули под углом, у самой морды танка, перевернулись в воздухе и... приземлились на ноги.

Я тряхнул головой. Мы стояли на башне танка, который летел вниз, в темноту.

– Держись! – опять взвизгнула Вероника.

Мы схватились за края открытого люка, Джеронимо обнял дуло, повис под ним, как давешний труп.

– Сообщите дону, – прогремел над нами голос Рикардо. – Мы нашли базу.

Танк куда-то упал. На что-то, оказавшееся не так уж низко. Спружинил, подлетел. Меня оторвало от люка, я кубарем покати́лся по броне, сверзился с нее. Оказавшись лицом вверх, увидел исчезающую полоску черного неба. Створки закрывались, быстро и беззвучно.

Глава 5

– Эй, говнюк, ты живой?

Я завертел головой. Почему так темно-то, Господи?! Ага, ясно. Я просто без маски. Лежу на чем-то, напоминающем гамак.

– Я вырубился?

– Минут на десять, ничего не пропустил.

Голос Вероники звучал приглушенно сквозь маску. Я зашарил руками в поисках своей, и Вероника сунула мне ее в руки. Ну вот, здравствуй, зрение!

Мы висели в сетке, под самым потолком. Танк основательно ее натянул, так что я лежал под углом, ногами к танку. Вероника сидела рядом на корточках.

– Воздух синтезированный, дышать можно. Внизу – какой-то зал со скамейками, двери по периметру. Высота – метров десять. Сеть прочная, нож не берет. Спасибо, что придержал.

Последнюю фразу она произнесла скомкано и отвела взгляд.

– Ерунда, – покраснев, ответил я и тоже отвернулся. – Если бы не твой прыжок...

– Да, да, ну, мы все живые, все молодцы, и давай замнем тему.

Она протянула руку, и я, опершись на нее, встал. Покачулся. Тяжело стоять на наклонной сетчатой поверхности, да и голова кружилась.

– Мне надо поесть, – пробормотал я.

– Всем надо, – вздохнула Вероника. – Но наш НЗ под танком. Размораживается.

– Наш – кто?!

Вероника смотрела на меня виновато и будто бы с сомнением: а стоит ли говорить? Впрочем, я уже и сам понял. Труп, болтавшийся под дулом, был резервом, самым последним. Конечно, где еще взять еды, когда нет синтезаторов, а до ближайшего дома ехать не меньше тысячи километров! К тому же, ближайший дом наверняка получает от Фантома генераторы и не захочет с ним ссориться.

Я представил, как мы, лишенные возможности развести костер, вырываем из-под танка куски...

На колени плюхнуться я успел. А вот маску снять не догадался. Блевать было особо нечем, но все равно я чуть не захлебнулся. В панике не сразу получилось сорвать маску. Едва отдышавшись, я услышал, как Вероника покатывается со смеху.

– Извини, – выдавила она. – Нервы...

Вероника Альтомирано жалуется на нервы? Что-то тут не так...

Я опять ничего не видел. Перевернул маску, вытер лицо перчатками, снял их.

– В каннибализме нет ничего смешного!

Вероника в ответ расхохоталась еще истеричнее. Но быстро осеклась, когда вокруг нас загорелись лампы. Забранные металлической сеткой фонари ровными рядами тянулись по стенам от потолка до уровня двери вниз.

– Большого пока не могу, – доложил Джеронимо, выбираясь из танка. В правой руке он держал смартфон, в левой – что-то серое. Спрыгнув на сетку, он ловко подбежал к нам и вытянул левую руку. – Вот, в карманах завалялись.

Три сушеных гриба, из тех, что нам в изобилии насыпали в подземельях Красноярского Метро. В благодарность за победу над триффидами. Только вот рюкзаки мы оставили в доме Толедано.

Я взял один гриб, а Вероника, когда Джеронимо протянул руку ей, отвернулась:

– Болезному отдай, пусть восстанавливается.

– Нет, – отстранился я.

Вероника, должно быть, сильно проголодалась. Сразу вспыхнула:

– Хватит выпендриваться! Пока дают – сунул за щеку и наслаждайся!

– Подержи! – Джеронимо сунул гриб мне и побежал к танку.

– Ай, черт! – вздохнула Вероника. – Я опять что-то не то сболтнула.

Я приблизился к ней.

– Возьми. Пожалуйста. Нам всем троим нужно держаться. Мозги, Сила и Какая-то Сомнительная Хрень, без которой история не получается.

Вероника улыбнулась и взяла гриб у меня с ладони. Мы присели, хрустя сухими комочками. Смотрели, как Джеронимо вытаскивает из танка рюкзак, из рюкзака – лампу-шарманку с кактусом. Потом принялся шарить по боковым карманам.

– Не такая уж ты и хрень, – сказала Вероника. – Когда надо, ты все делаешь правильно. Просто из-за того, что у тебя нет нормальных человеческих чувств, иногда ведешь себя неадекватно.

Сердце заколотилось. Хотелось сказать: «Да чувствую я, чувствую!» Но я побоялся. Со мной бесчувственным она может сидеть рядом и разговаривать. А если я опять утрачу над собой контроль, разрыдаюсь или полезу целоваться?.. Меня бесчувственного она, может, однажды и полюбит.

Джеронимо издал восторженный возглас и вытащил из кармана рюкзака общую тетрадь. Вероника застонала. Ну да, она что-то говорила о тетради Джеронимо, еще когда мы сидели в упавшем самолете.

– Он туда записывает твои высказывания? – предположил я.

– Угу, – буркнула она. – Гаденыш мелкий.

Злости в голосе не было, только усталость. Да и вообще, выглядела Вероника непривычно вялой и безжизненной.

Пока Джеронимо строчил, я посмотрел вниз. Рвота из маски капала в середину круга из металлических скамеек. Пусто. Тихо. Только осколки снарядов валяются на полу.

– Каков план?

Вероника пожала плечами:

– Сила не помогает, остаются мозги. Вон, лампочки же он как-то зажег.

– О, ерунда, – отмахнулся Джеронимо, убирая тетрадку. – Я просто связался с компьютером и передал на него сообщение: «Включите, пожалуйста, свет».

– Ты же говорил, что выпаял модули связи! – воскликнула Вероника.

– Да, сестра, это называется ложью. Но я солгал ради великой цели. – Он прижал руку к левой стороне груди. – Поверь, когда вернется солнце, ты простишь...

– Передал сообщение? – перебил я. – Не команду?

Джеронимо яростно закивал.

– То есть... – Я боялся высказать предположение.

– Да-да, на этой базе есть жизнь. Но...

Как будто трубы судного дня, загрохотал голос:

– Встаньте!

Я вскочил раньше, чем понял, что происходит. Вероника подлетела одновременно со мной, перехватив автомат. Но внизу по-прежнему никого не было. Голос раздавался из щелей в стенах, за которыми скрывались мощные динамики.

Джеронимо поднялся неспешно, поднял руки, улыбнулся в пустоту:

– Я, Джеронимо Фернандес Альтомирано, приветствую Хранителя базы Судного Дня!

Тишина. Хранитель думал. Вероника водила стволом автомата, направленным вниз. Все двери были закрыты.

– Идем к танку, – одними губами произнесла Вероника. – Если откроют огонь снизу, мы тут в момент подохнем.

Стараясь не совершать резких движений, стараясь даже не дышать, я шел по сетке вслед за Вероникой. Мы вскарабкались на броню. Голос загремел снова:

– Как вы проникли на базу? Кто вас прислал?

Теперь, когда первый испуг прошел, я вслушался в голос. Грубый, сильный, мужской. Вряд ли говорящему больше тридцати.

– Никто, – ответил Джеронимо. – Открыли замок наверху.

Опять пауза. Вероника попыталась что-то сказать брату, но тот лишь с досадой отмахнулся.

– Почему с вами труп?

– Всю дорогу шел за нами до самой базы и смотрел такими грустными глазами, что мы не смогли его прогнать, – отозвался Джеронимо.

В этот раз тишина затянулась. Джеронимо поморщился:

– Да это просто наш фирменный прикол: труп под гусеницами. Вроде визитной карточки, понимаете?

Снова тишина.

– Это «консервы», ясно? – вмешалась Вероника. – Мы этим не особо гордимся, но...

Никто ее не перебивал, она сама оборвала фразу и развела руками. Я вертел головой, пытаюсь увидеть камеры, через которые за нами, должно быть, следят. Не нашел ни одной. Может, под плафонами ламп?

– По вам стреляли. Вас преследовали?

– А это проблема? – спросил Джеронимо. – Мы бы вообще не задерживались. Согласно книжке Августина Сантоса, где-то здесь должна быть антиматерия. Заберем ее и уйдем... – Тут он посмотрел на потолок и поджал губы. – ...как-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.